

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

Будь загадочной

Жаклин
Кеннеди

Уникальная автобиография женщины-эпохи

Жаклин Кеннеди

**Жаклин Кеннеди. Жизнь,
рассказанная ею самой**

«Яуза»

2014

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

Кеннеди Ж.

Жаклин Кеннеди. Жизнь, рассказанная ею самой / Ж. Кеннеди — «Яуза», 2014 — (Уникальная автобиография женщины-эпохи)

«Будь загадочной!», «Если хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, ты должна сделать это сама», «Не думаю, что в мире есть хоть один мужчина, верный своей жене», «Женщины делятся на две половины: одним нужна власть над миром, другим – только в постели» – так говорила ЖАКЛИН КЕННЕДИ. Ее величали «Королевой Америки», «иконой стиля» и «прекраснейшей из Первых леди США». Ей приходилось жить под прицелом фото– и кинокамер – но свою душу она не открывала никому... Пока не вышла эта книга, в которой Жаклин предельно откровенно рассказывает о самом сокровенном: о темной изнанке своего первого брака и бесчисленных изменах мужа-президента, о «проклятии Кеннеди» и его гибели у нее на глазах, о своем поспешном бегстве с детьми из США и романе с греческим миллиардером Онассисом. По ее собственным словам, она «вышла замуж за деньги», но после его смерти осталась «у разбитого корыта» и была вынуждена работать в издательстве простым редактором... Эта книга – исповедь загадочной женщины, которая слишком долго была игрушкой судьбы, но в конце концов нашла в себе силы заявить: отныне я буду жить и любить не так, как велят, а по-своему, на своих собственных условиях! «Единственное правило для меня – не следовать правилам!»

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

© Кеннеди Ж., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Убили Кеннеди...	6
До Кеннеди	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Жаклин Кеннеди Жизнь, рассказанная ею самой

Убили Кеннеди...

«Убили Бобби... Они убивают Кеннеди... значит, придет очередь и моих детей?...»

Все биографы делят мою жизнь на две части: до Белого дома и после него.

Я бы поделила иначе и на несколько частей: жизнь до Кеннеди, в составе клана Кеннеди и самостоятельную. И я, и мои дети из клана Кеннеди после моего второго замужества не выпали, просто на время оказались в стороне.

Перестав быть безутешной вдовой (через пять лет после убийства мужа, когда мне самой еще не было сорока), я перестала быть и национальной героиней, всеобщей любимицей и гордостью Америки. Увезла детей в Европу к Аристотелю Онассису и вернулась через семь лет (после его смерти) иным человеком.

Вот почему именно эти слова делят мою жизнь на «вместе» и «после».

Конечно, что бы я ни делала, кем бы ни являлась теперь, навсегда останусь вдовой тридцать пятого президента Соединенных Штатов Америки Джона Фицджеральда Кеннеди, убитого 22 ноября 1963 года в Далласе.

Я могла в одиночку покорить Эверест, высадиться на Луне, написать лучший роман Америки, даже сама стать президентом (предположение чисто гипотетическое), но и тогда оставалась бы «госпожа президент, вдова президента Кеннеди».

Не жалею и не пеняю судьбе на это, мне посчастливилось быть супругой одного из самых уникальных людей на планете во все времена. И дело не в том, что Джон был тридцать пятым президентом великой страны, и не в его гибели, а в том, что он действительно уникален и в силу своей уникальности просто не мог не быть президентом Америки!

Большая часть личного архива уничтожена, потому что это действительно личное.

Просматривая письма, записи, наброски, расписания, просто какие-то листки, на которых написана пара слов, сейчас уже не вспомнить, по какому поводу и что означают, а когда-то показавшихся важными настолько, чтобы их не порвать и не выбросить, я вдруг задумалась.

Джон Фицджеральд Кеннеди, которого обычно звали Джеком, несмотря на всю его кажущуюся открытость, оставался таинственным незнакомцем даже для самых близких людей – родных и друзей. Его знали таким, каким Джек предпочитал себя преподносить.

Всем. Всегда. Во всем.

О нем уже написано и еще напишут множество книг, раскроют секретные пока материалы, изучат каждый день жизни и особенно президентства, попытаются объяснить его успехи и неудачи, расскажут о странностях, болезнях, многочисленных романах, о достоинствах и недостатках... Раскроют все, кроме одного: секрета самого Кеннеди.

Я его тоже не раскрыла, потому не буду ничего «рассекречивать», переименовывать или опровергать. Просто попытаюсь рассказать, что поняла, а что так и осталось для меня загадкой в Джоне Ф. Кеннеди, с которым я прожила десять лет, как жилось до Джека и после него.

Я бы сравнила Джека с подводной лодкой с всегда задраенными отсеками, где каждый, кто был к нему близок, знал только свой отсек. Иногда в один из таких допускались несколько друзей, но никто не имел права заглядывать в остальные. И никто даже из самых близких людей не ведал, какова же вся лодка.

Я не исключение, для меня тоже отводилась своя каюта, в которой могло быть комфортно или нет, иногда совсем невыносимо, но я понятия не имела, что творится на душе у Джека, если он не желал ее приоткрывать.

Мне могут возразить и просто не поверить: самый улыбочивый и дружелюбный президент, каких только знала Америка, способный заечь проникновенной речью тысячи собравшихся, внимательный слушатель, открытый для любого, буквально символ общительности – был замкнутым? Но это так. Да, Джек всегда окружен людьми, друзьями, которые готовы пожертвовать ради него репутацией, карьерой, головой наконец, но открыт всегда лишь до той черты, которую сам установил. И не просто черты, а в той области его жизни и доверия, к которой относил друга. Он каждому приоткрывал лишь частичку себя, но не отдавал себя никому.

Я тоже была допущена лишь к части личности Джека. Даже став матерью его детей, не получила права на не предназначенную мне территорию, оставалась в своем отсеке.

За ним велось круглосуточное наблюдение не только в Белом доме, президент находился под присмотром и охраной службы безопасности даже в собственной спальне, события каждого дня известны Гуверу в мельчайших подробностях. Джек не чурался даже Гувера, как бы к нему ни относился, но самый открытый президент одновременно оставался самым закрытым и для Гувера тоже. Они могли знать, что делает тело Джека, но датчики движений его души отсутствовали. И, уверяю, никто не постиг до конца настоящего Джона Фицджеральда Кеннеди, никто.

У Джека были сотни ипостасей, и какой он поворачивался к человеку, зависело от того, зачем человек ему нужен.

Мама всегда говорила, что я злопамятна. Наверное, это так, я надолго запоминаю обиды и не умею прощать, особенно тех, кто так или иначе обидел моего мужа или моих детей. Но и своих обид не прощаю тоже. Единственный, кому я простила все, что можно и даже нельзя простить, – Джон Фицджеральд Кеннеди, не президент – человек.

И еще один повод что-то написать хотя бы для себя. Судьба распорядилась так, что я прожила словно несколько жизней, в чем-то похожих, но при этом очень разных. XX век удивительное время, когда мир менялся от десятилетия к десятилетию так сильно, что мир наших внуков так же не похож на наш, как наш на мир наших бабушек.

Америка 30-х и Америка 80-х словно две разные страны. Мне посчастливилось жить в оба эти периода, потому я могу проиллюстрировать изменения собственным примером.

Когда я родилась, женщина была всего лишь приложением к мужчине, его тылом и потому всегда на шаг позади. Уделом вдовы являлось немедленное новое замужество, работающая женщина, если она не продавщица, секретарь, телефонистка или работница на фабрике, была скорее диковинкой, чем правилом.

Сегодня никого не удивляет работающая вдова президента Соединенных Штатов.

Ни Элеоноре Рузвельт, ни Бэсс Трумэн, ни Мейми Эйзенхауэр в голову не пришло бы работать, как обычным американкам. Я делаю это не ради заработка, а потому что хочу, чтобы мои способности чему-то послужили, мне интересно жить сегодняшней жизнью, а не только воспоминаниями.

Удивительно, но Америка, раньше полагавшая, что мой удел – скорбное вдовство, с моей работой согласилась, американцы не приняли меня в качестве супруги одного из самых богатых людей мира, Онассиса, но приняли в качестве просто работающей американки.

Я родилась в аристократической семье, едва научившись ходить, уже сидела в седле, была бунтаркой в школе, хотя и элитной, студенткой в парижской Сорбонне, журналисткой в Вашингтоне, женой сенатора, потом первой леди, скорбящей вдовой убитого президента, супругой беспокойного миллиардера, редактором издательства. А еще, что важнее всего – просто мамой и просто бабушкой.

Не я одна, многие прошли подобный путь – от несмышленной девочки в первой половине столетия до умудренной пожилой матроны к его концу, но все, кого я знаю, давно живут лишь воспоминаниями и осуждением этой непонятной новой действительности. Я – нет, и это ставлю себе в заслугу, хотя о заслугах обычно предпочитаю молчать.

Возможно, стоило помолчать и в этот раз, издательство предпочло бы получить от меня мемуары совсем иного содержания, но я пишу для себя, пишу в попытке оценить свою жизнь и то, насколько изменился мир вокруг меня. Увидят ли эти записи свет, не важно, важнее, что я что-то пойму, непременно пойму и непременно сумею передать своим детям и внукам.

У меня очень хорошие дети, уже без Джека я сумела уберечь их от многих соблазнов нынешнего мира, потому надеюсь, что их не коснется проклятье клана Кеннеди.

Это не мемуары отдельно взятой женщины, а размышления над жизнью женщин XX века. Конечно, я вовсе не была типичной американкой, далеко не всех в три года отдают в школу верховой езды, не у всех есть возможность учиться в элитном колледже Вассар, немногие бывают женами сенаторов и уж совсем единицы – первыми леди, но все равно в моей судьбе, как в зеркале, отразились судьбы и проблемы сотен тысяч американок, потому что все они тоже были проблемными детьми с проблемными родителями, – многие жены, матери и бабушки. Не все радости или огорчения у нас совпадают, но очень многие похожи, потому что кроме социального статуса, есть женские заботы, материнские чувства, проблемы и счастье.

И я считаю главными не те дни, когда была первой леди, стояла перед сотнями объектов, а те счастливые часы, когда у меня рождались дети, когда они поверяли мне свои секреты, когда мы с ними были близки и дружны, когда я им нужна.

К сожалению, я не была по-настоящему нужна ни первому, ни второму мужу, но все равно любила обоих, зато я нужна дочери и сыну, это главное, ради этого стоило жить.

До Кеннеди

Если попросить одной фразой упомянуть мое детство, я отвечу: встречи с отцом в дедушкином имении в Ист-Хэмптоне «Ласата» и в самом Нью-Йорке, соперничество с сестрой Ли (Каролиной) и лошади. И, конечно, летние месяцы в Хаммерсмите у Очинклоссов.

До одиннадцатилетнего возраста помню только скандалы. Возможно, наши с Ли родители были слишком разными людьми, возможно, они просто не умели ладить друг с другом, либо мама не умела принимать отца таким, каким он был, но ссоры и крики слышались, как только отец открывал дверь дома.

Все Бувье, объявлявшие себя потомками французских аристократов, считали женитьбу моего отца Джона Верну Бувье III на моей маме Джанет Нортон Ли явным мезальянсом. Впрочем, семейство Ли отвечало Бувье тем же.

Плохие отношения между двумя семействами приводили к удивительным результатам, как хорошим, так и ужасным. Нам с сестрой дали вторые имена – Ли, чтобы умаслить довольно вредного дедушку, но этот же дедушка потребовал от нас с сестрой подписать отказ от любых претензий на наследство Ли, настолько он не любил Бувье.

Бувье недалеко ушли, они могли принимать нас с Ли в Ласате весьма душевно, но при этом нашей маме путь туда был заказан.

Сейчас, уже став бабушкой, я понимаю, что ни одна из семей, в которых я жила, не была нормальной в общечеловеческом смысле. Хотя что такое нормально? По крайней мере все они резко отличались от того, что позиционируют в качестве американских ценностей.

Во всех наших семьях – у Бувье, у Ли, особенно у Кеннеди, у Онассиса – глава семьи мужчина стоял на недостижимой высоте, женщины находились даже не в тени самих мужчин, а в тени их постаментов. Это правильно или нет?

Мужчина – добытчик, он хозяин, который волен вести себя как хочет, волен одаривать, приказывать, изменять, не замечать... Волен лишить наследства, растратить состояние, не думая о семье...

Вовсе не все мужья были неверны или просаживали состояния, далеко не все могли твердой рукой лишить наследства кого-то из потомков или вдруг объявить о разводе, но над женщиной всегда висел дамоклов меч такой возможности. В случае развода она могла остаться просто ни с чем, и единственным выходом было новое замужество.

Это произошло с моей мамой. Не приняв поведение отца, не сумев примириться с его многочисленными изменами, не простив, она сделала его и свою, а заодно и нашу с сестрой жизнь невыносимой. Безусловно, в разводе виноват отец, который, женившись, не расстался с привычками холостяка. У отца было прозвище Блэк Джек – Черный Джек. Он действительно смуглый, обожал карты и риск, красивых женщин, автомобили и своих дочерей. Блэк Джек очень похож на Ретта Батлера из моей любимой книги «Унесенные ветром», но мама вовсе не похожа на Скарлетт О'Хару. Она не желала завоевывать мужа ежедневно и прощать его измены тоже не желала.

Знаю, что мою маму многие близкие знакомые и родственники считали чудовищем, а не очень знакомые очаровательной блестящей женщиной. Она умела держать себя в руках на людях, умела скрывать эмоции и даже слезы, научила этому и меня. Что бы ни случилось, что бы вы ни чувствовали, окружающие не должны ничего не только знать, но и заподозрить неладное – вот мамин принцип. Любые эмоции, любые страдания, любое настроение у истинной леди не должно проявляться внешне. Нужно всегда и везде выглядеть одинаково приветливой со всеми независимо от положения человека, его состояния и вашего к нему отношения. Этот принцип поведения леди мне внушила мама, это же я постаралась внушить и своим детям, особенно Каролине.

Все удивлялись, как я терплю бесконечные измены Джека. Но у меня перед глазами был пример моих родителей, особенно папы. Думаю, они с мамой любили друг дружку, но стремление папы завоевать всех красивых женщин, которые встречались в жизни, приводило к бесконечным изменам. Он просто не мог не флиртовать и не спать с каждой красоткой, словно смысл жизни состоял в покорении этих совсем не высоких вершин.

Это же происходило и у Джека, он даже не покорял, а просто брал, не всегда помня имя или вообще забывая о женщине раньше, чем та успевала одеться. Неприятно вспоминать об этой стороне нашего брака, но она очень влияла на все остальное.

Они были несхожими, словно лед и пламень, мои родители. Оба улыбочивые, но улыбка папы была улыбкой Ретта Батлера, неисправимого ловеласа, уверенного в способности очаровать любую женщину, оказавшуюся рядом даже случайно. Улыбка мамы – это улыбка хорошо тренированных мышц лица, маска, надетая на страдающую душу. Нет, она не была оскалом, мама улыбалась искренне, вовсе не вымученно, она действительно была приветлива, но это не имело никакого отношения ни к ее внутренней жизни, ни к ее мыслям.

Я научилась у мамы улыбаться, когда на душе скребут не просто кошки, а целые тигры, когда все внутри сжимается в комочек от унижения, от боли, из-за оскорбленной гордости, а ноги дрожат от желания убежать. Я могла думать и чувствовать все, что угодно, но этого никто и никогда не видел, маска леди надежно укрывала раны моей души от чужих взглядов.

Этому меня научила мама.

И она права, потому что чужая жалость никому еще не помогала, не позволяла справиться с ситуацией, а обида – это просто реакция на бессилие. Если вы обижены, значит, вы просто не придумали ответный шаг или не можете ничего предпринять. Если в эту обиду посвятить других, они вряд ли помогут, зато запомнят вашу слабость, а слабый человек уязвим.

Мое отличие от мамы в том, что за закрытой дверью дома она позволяла себе снимать маску, а я нет. Семейные скандалы моих родителей очень быстро стали предметом обсуждения тех, кто о них знает и не должен бы. В этом мама допустила ошибку, старательно играя роль счастливой супруги перед другими, в доме она позволяла себе эту маску не просто снять, но и давать волю эмоциям. В результате страдали мы с Ли.

Разделение получилось безобразное, мама нас воспитывала, а потому требовала, папа баловал. Мама – это бесконечные «нельзя» и «вы должны», папа – похвалы (не всегда заслуженные) и праздник. Папа хвалил нас перед другими, особенно перед родственниками – Бувье, теперь я понимаю, что хвалил за то, за что хвалить вообще нельзя – не за успехи в школе или поведение, а за красивые глазки, сексуальные (!) губки, за то, что мы хорошенькие. Даже комплименты за умение держаться в седле слышались реже, чем заверения, что у нас будет множество поклонников.

Конечно, такие слова отца, известного своим успехом у женщин, поднимали нашу самооценку, но теперь я понимаю, каких усилий стоило маме внушать нам понимание, что хорошенькая внешность это не все, что она бесполезна без ума, воспитания, без умения держаться аристократично, то есть быть приветливыми, сдержанными и спокойными. Если бы она просто объяснила, почему это важно, а не только требовала, мы бы поняли, но мама предпочитала внушение с позиции силы, что, конечно, вызывало отторжение.

Лишь через много лет, когда мама уже была катастрофически больна, я осознала, что она ревновала нас к отцу, особенно меня. Это мешало оценивать мои успехи и неудачи объективно, малейшее отступление от строгих правил и невыполнение требований безжалостно каралось, а требования были такими, какие предъявляют не каждому взрослому.

Мама хотела, чтобы мы были идеальными, и ее страшно раздражало мое упорство в нежелании признавать, что она права во всем, а вот отец... «Боже мой, этот ловелас даже не создал новую семью! Конечно, кто же за такого выйдет замуж?!»

Хотелось спросить, почему за папу вышла она сама, разве раньше он не был ловеласом? Но я понимала, что навлеку на себя страшный гнев. К тому же объяснения не требовались – папа был безумно обаятельным. Там, где появлялся Черный Джек, женщины могли принадлежать только ему.

Мама (справедливо) ужасалась тому, что отец нас захваливает и, главное, учит «не тому». Сейчас я понимаю, что действительно не тому, это ненормально, если отец беседует со своей дочерью-школьницей о матерях ее подружек как о потенциальных любовницах! Удивительно, но при этом я оставалась вполне невинным созданием, словно получив прививку против легковесного отношения к близости с противоположным полом. «Просвещенная» теоретически, на практике я была наивным ребенком.

Ли больше тянуло к маме, во всяком случае она делала вид, что это так. Подозреваю, что вовсе нет. Просто демонстративное послушание позволяло ей избегать материнского гнева, бесконечных укоров и придинок, но у отца любимицей была я. Это приводило к соперничеству с сестрой, я не старалась завоевать мамину любовь и одобрение, а она старалась быть лучше меня в глазах папы. Это не удавалось, вызывая скрытую зависть, которая вместе с настоящей нашей с Ли взаимной преданностью и настоящей сестринской любовью много лет составляет удивительную смесь.

В семье самым близким человеком для меня была сестра, папу я просто обожала, а сестре поверяла то, чего не могла сказать маме. Она тоже. Мы очень похожи внешне на одного из родителей – я на папу, а Ли на маму, она утонченная, нежная, а я скорее сорванец, особенно была таковой в детстве.

Мама сама способствовала становлению моего строптивого характера, в год усадив меня в седло пони, а в три отдав в школу верховой езды и пристально следя за моими успехами на этом поприще. А еще она ценила чтение.

Папа учил получать удовольствия от жизни, причем удовольствия преимущественно плотские. Он не был неумным любителем поесть или выпить, хотя любил хорошую еду и вино, следил за своей формой, отличался прекрасным вкусом и всегда был одет с иголочки. Ну и, конечно, женщины...

Чтение или интеллектуальные занятия? Это удел Джанет, пусть она читает, если не умеет делать ничего другого.

Я тоже читала, причем совсем не детские книги, в пылу ссор и споров родители вовсе не следили за тем, что за книги в руках у их ребенка. К девяти годам прочла «Унесенных ветром» трижды, согласитесь, вовсе не детское чтение.

Это был один из способов уходить от реальности. Как только мама повышала голос и становилось ясно, что сейчас начнется ссора с криками, обвинениями в неверности и хлопаньем дверьми, я уходила к себе и бралась за книгу. Конечно, я читала не только когда родители ссорились, книги научили меня отключаться, вернее, замыкаться в себе и не реагировать на происходящее вокруг.

Это умение очень пригодилось в жизни. Я и сейчас, стоит возникнуть неприятной ситуации, попросту замыкаюсь.

Нет хорошего без плохого, даже от родительских скандалов бывает польза. Для меня это умение уходить в себя, а еще умение видеть мир таким, каким я бы хотела его видеть. Не сквозь розовые очки, я прекрасно знала и мрачные стороны, и недостатки обоих родителей и жизни вообще, но с детства усвоила: то, что нельзя изменить, нужно не просто принять и учесть, но и не замечать.

Защитная реакция, выработанная в те годы, когда хлопанье дверьми заставляло братья за Чехова, Шоу, Байрона (в десятилетнем возрасте), помогала мне всю жизнь. Улыбаться во что бы то ни стало, скрывая свои истинные чувства, а если совсем невмоготу – уходить в себя. Спасением были лошади, я не только участвовала в соревнованиях, но и просто уезжала или уходила на конюшню чистить свою любимую Балерину.

Родители разводились безобразно, это был один из самых громких и некрасивых разводов тех лет. Зачем маме понадобилось выливать столько грязи на страницы газет, не знаю, папа и без того не стал бы отбирать нас, потому что его финансовое положение оказалось тяжелым, деньги поступали неравномерно, а расходы он не уменьшал. К тому же любовь к игре поглощала остатки средств с огромной скоростью. Нет, папа не стал бедным, до конца своих дней он остался Черным Джеком – любителем карт, автомобилей, элегантной одежды и женщин, но все же свои траты умерил.

Мама приняла ужасное решение, позволив адвокату опубликовать список любовниц отца с именами и даже датами встреч. К чему делать личные обиды достоянием общества? Забыв все, чему сама же нас учила, выливала на отца тонны грязи, к сожалению, он отвечал тем же. 1940 год – год их развода – стал для нас с Ли настоящим кошмаром. Газеты обсуждали подробности отцовских измен и обиды мамы, ответные реплики папы и то, кто больше виноват. Папа меньше выносил сор из дома, хотя и выглядел более виноватым. Возможно, это тоже сыграло свою роль в том, что мы неосознанно встали на его сторону, даже сознавая его вину.

Мама кричала, что придет время и мы на своем опыте узнаем, что такое измены мужа. К счастью для Ли, у нее такого не случилось, а вот я действительно узнала, и хотя временами было невыносимо горько и обидно, уроки, полученные в детстве, весьма пригодились в собственной семейной жизни. К сожалению, пригодились, лучше бы такой надобности не было, как и уроков тоже.

Я обожала веселого, всегда сыплющего комплиментами папу. Могла ли я не любить похожих на него мужчин? Пусть у моего Джека не было усиков, как у Ретта Батлера и Черного Джека (кстати, у Джозефа Кеннеди такие усики были), но он тоже любил жизнь во всех ее плотских проявлениях. Зато Джек в отличие от моего отца любил книги, то есть обладал тем, чего мне так не хватало у Черного Джека.

Думаю, мама совершила одну непростительную ошибку, она постоянно ругала при нас папу, причем ругала за нечто нам непонятное. Когда родители развелись окончательно, мне было одиннадцать, а Ли вообще семь. Понять в таком возрасте, что такое измены, затруднительно, тем более, у мамы хватило разума не объяснять подробно. Мы видели обожавшего нас папу, готового потакать во всем, и вечно недовольную, строгую маму, твердившую, что папа подлец. При этом папа маму за глаза не ругал (возможно, сознавая свою вину), зато хвалил нас.

Легко понять, что папины проступки вовсе не казались нам ужасными, а мамины требования, напротив, выглядели жестокими и бессмысленными.

В битве за наши души мама проиграла папе.

Неудивительно, он для нас ассоциировался с праздником. Папа не позволил продать мою Балерину, зная, как я люблю эту лошадь. Он водил нас в кино, заваливал игрушками, даже брал напрокат собак, чтобы доставить нам удовольствие при прогулке. Папа знакомил нас со своими друзьями (но не подругами!), водил на биржу, чтобы мы посмотрели, как за минуту зарабатываются и теряются миллионы, а потом (думаю, в порыве отчаянья, когда мама снова собралась замуж) позволил пользоваться своим банковским счетом. Позже, даже став совершеннолетними и имея такую возможность, мы с Ли никогда этим не злоупотребляли. Дело в том, что папа уже не был состоятельным, да и мы сами до замужества вовсе не были избалованы

деньгами. Да, все вокруг было высшего качества и в достаточном количестве, но свободных денег до Кеннеди у меня никогда не было.

Папа больше не женился, а вот мама вышла замуж. Это было по любым меркам очень удачное замужество. Хью (его все звали Хьюди) Очинклосс был по-настоящему богат, он из круга «старые деньги», то есть из тех, кто разбогател не вчера, а получил и сумел не промотать состояние, созданное предками. В Америке начала сороковых это редкость, потому что многие потеряли свои деньги в период Великой депрессии, многие, наоборот, их тогда же сколотили. Очинклосс наследовал «Стандарт Ойл», что означало, что деньги у него будут всегда.

Но главное не его состояние, хотя пара роскошных имений с великолепными особняками, конечно, производили неизгладимое впечатление, а то, что сам дядя Хьюди, как называли его мы с Ли, был хорошим парнем. Он не волочился за каждой юбкой, не устраивал скандалов и не поддерживал мамины, которые та принялась закатывать по привычке, а еще очень любил детей, в том числе и пасынков.

Это был второй брак мамы и третий Очинклосса. Его первой супругой была русская аристократка Майя Храповицкая, второй Нина Гор Видал, чей сын от первого брака стал известным писателем-эссеистом (я бессовестно называла себя сестрой Гора Видала, что придавало вес в журналистских кругах). У них с мамой родились еще двое малышей, но они были слишком маленькими для нас с Ли, чтобы воспринимать Джанет и Джейми как сестру и брата, а не как игрушки в те времена, когда мы проводили лето в Мерривуде или в Хаммерсмите – имениях Очинклосса.

Папа был маминым замужеством расстроен. Дело в том, что мы стали проводить лето не в дедушкиной Ласате, а в Хаммерсмите либо Мерривуде – очаровательных имениях дяди Хьюди.

У Очинклосса тоже собиралась большая семья, но эта была уже несколько иная компания, где мы трое – Юши, я и Ли чувствовали себя не просто старшими, а словно людьми иного поколения. Мама вышла замуж, когда мне было тринадцать, а Ли девять, а в этом возрасте несколько лет значат очень много. Ли рано повзрослела, стараясь дотянуться до меня и быть «ничем не хуже».

В Хаммерсмите и в Мерривуде прекрасные условия для верховой езды, потому я все лето не вылезала из седла, хотя призы начала завоевывать еще в Ласате. Взять барьер, словно слившись с лошастью – это же так здорово.

Я очень любила свою Балерину и, учась в школе, написала дедушке в Ласату жалобное письмо, умоляя прислать лошадь мне и обеспечить ее содержание. Тогда это стоило примерно двадцать пять долларов в месяц – для девочки сумма немалая. Дедушка Джеймс пошел навстречу, Балерину действительно привезли в школьную конюшню, строго предупредив, что ухаживать за ней мне придется самой.

В Хаммерсмите, помимо конного спорта, серьезным увлечением стала литература. Если раньше я читала все подряд, только бы спрятаться от действительности, то теперь стала разбираться в том, что читаю.

Мы с Ли учились в разных школах и разных колледжах, мне предстоял знаменитый Вассар, колледж, в котором училась и наша мама. Вассар называли колледжем невест, потому что треть девушек учебу не заканчивали, выходя замуж.

Я тоже не закончила, но по другой причине. Никогда не была спокойным ребенком. Всегда погруженная в себя, я тем не менее оказалась бунтаркой, которой просто необходимо нарушить имеющиеся правила. Если на прогулке запрещалось шуметь, то я обязательно разговаривала громко, смеялась и прыгала. Если запрещалось посещать близлежащие магазины когда попало, договаривалась с мальчиками из соседней школы, чтобы доставляли мороженое именно в неположенное время.

Но нарушения были не просто мелкими и по-детски бунтарскими, они не задевали саму основу – правила поведения юной леди не нарушались никогда, я могла шуметь во время прогулки по саду, но не забывала улыбнуться даже делающей замечание воспитательнице или пожелать ей доброго утра. Ухоженный внешний вид, улыбка, манеры – все это оставалось неприкосновенным, сказывалось воспитание Джанет Бувье.

Я очень хорошо училась, потому на мелкие нарушения смотрели сквозь пальцы.

А Вассар бросила, потому что решила поучиться в Париже! Сказался бунтарский дух и нежелание выходить замуж прямо из колледжа и становиться простой домохозяйкой, даже очень состоятельной.

Ирония судьбы в том, что я ею стала, причем дважды. Правда, первый раз домохозяйкой главного дома страны, а второй – у самого богатого мужа в мире. Хозяйкой Белого дома я была и не была одновременно, потому что переделывала его и налаживала новую жизнь по своей инициативе, но при этом оказалась ограничена жесткими рамками закона, бюджета и положения первой леди.

Второй раз ограничений в бюджете и применении моего художественного вкуса не было, но яхта и дом Аристотеля Онассиса уже были выстроены и оформлены в его вкусе, переделывать их подобно Белому дому означало бы изменить жизнь самого Ари. Я лишь слегка изменила декор.

Но тогда, учась в Вассаре, я мечтала о собственной карьере, о том, что чего-то достигну в жизни не благодаря удачному замужеству (снова ирония судьбы!), а благодаря своим знаниям и талантам. Хотелось писать самой, я считала, что лучше познакомиться с литературой, выучить французский и испанский я смогу прямо в Европе и отправилась в Сорбонну.

Я благодарна судьбе, маме и Хью Очинклосу за возможность проучиться в Париже хотя бы год. Не только французская литература, но сама жизнь в Европе и общение вне жестких рамок элитного колледжа со студентами со всего мира тоже элитного, но все же университета Парижа очень помогли мне. Знания можно получить, сидя с книгой в руках в уголке в одиночестве. Общаться так никогда не научишься.

Я до мозга костей американка, но Францию и все французское просто обожаю. За это мне не раз приходилось выслушивать упреки в непатриотичных пристрастиях. Словно от того, люблю или не люблю я французское вино или сыры, зависит степень моего патриотизма под звездно-полосатым флагом.

Считается, что поскольку я была любимицей папы и обожала его в ответ и он сильно повлиял на меня во всех отношениях, то у меня и характер папин. Но это не так: в моем характере нет ничего папиного, я в маму. Папа не ведал смущения, он чувствовал себя хозяином положения всегда и везде. От него я получила только дар общения, но всегда страшно смущалась. Папа купался во всеобщем внимании, я этого внимания просто боялась.

Возможно, это так не выглядело, но я очень стеснительный человек. Даже сейчас необходимость писать бесконечные «я» коробит, но иначе не получается... Если мне удавалось хорошо скрывать эту ненужную на посту первой леди стеснительность, значит, я не зря старалась.

Любовь к Франции я пронесла через всю жизнь, она не мешала, а помогала мне.

Но жить-то нужно было дома. Ли легко перебралась в Европу, чувствовала себя дома именно там, я же могла путешествовать, позже, выйдя замуж за Аристотеля Онассиса, даже подолгу жить, но все равно чувствовала себя дома только в Америке. Я американка, всегда таковой была и останусь.

И потому попыталась найти место в Америке.

О, судьба подбрасывала мне искушения, которые могли увести совсем в другую сторону. И какие искушения! Например... работа редактором журнала «Вог»!

Это была мамина идея – отправить документы (с безобразным опозданием) на конкурс «Пти де Пари» этого журнала. Победитель получал возможность поработать полгода в парижском отделении издания, полгода в Нью-Йорке. Бессовестным было просить принять документы, когда конкурс давно шел, но мне пошли навстречу.

До сих пор помню некоторые свои предложения и утверждения. Например, что раздел моды для мужчин предназначен в первую очередь женщинам и это нужно учитывать. Большинство мужчин даже галстуки себе не так часто покупают, полагаясь на вкус жены, они не любят ходить по магазинам и примерять. И если супруга будет точно знать тенденции мужской моды, у нее появится возможность блеснуть знаниями в магазинах и одеть мужа с иголки, возможность, которой редкая женщина не воспользуется.

Еще я предлагала в рекламе сопоставить парфюм и вино, ведь и то, и другое опьяняет. Использовать бокал для вина для рекламы мужского парфюма было внове.

Мои работы редакторам «Вог» понравились, я выиграла конкурс, опередив 1200 других участниц. Работать в «Вог»! Разве не мечта любой журналистки?

Мы с Ли только что вернулись из путешествия в Европу, я была радостно возбуждена, но... Как часто все привлекательное изнутри выглядит совсем иначе. Возможно, сейчас это мало кого удивило бы, но в 1951 году для девушки, воспитанной строгой Джанет Очинклосс, понять, что твоими коллегами будут в том числе люди с нетрадиционной ориентацией, оказалось потрясением. Все же я не принадлежала к богеме, а потому не была готова к столь радикальным переменам в своих взглядах на жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.